

Айлың Даймонг
Сердолик без отравы

Айлин Даймонд

Сердолик без оправы

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18922413
Сердолик без оправы: Панорама; Москва; 2016
ISBN 978-5-7024-2804-8

Аннотация

Мечты иногда сбываются, даже самые, казалось бы, дерзкие и невыполнимые. Вот и Аннабел Кловер в одно и то же время обрела то, о чем грезила с детства, и вдобавок, совершенно случайно, получила еще и любовь. Обычный туристический вояж подарил незабываемые ощущения. Крутые горы и не менее крутой роман с парнем, умеющим покорять не только вершины, но и сердца...

Содержание

1	5
2	10
3	18
4	25
7	33
9	39
10	47
11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Айлин Даймонд

Сердолик без оправы

В горах мое сердце...

Р. Бернс

1

В пустыне грезится океан – безбрежный, шумливый, с накатистыми гигантскими волнами, украшенными оборками из белой пены.

И как-то забывается, что морская вода на вкус горько-соленая и непригодна для питья.

В тундре думают о тропиках, с роскошной буйной растительностью и обилием экзотических фруктов.

И как-то забывается, что реки в джунглях кишат зубастыми крокодилами и весьма ядовитыми змеями.

Но чем дальше и недоступнее – тем кажется лучше и привлекательнее.

Так и Аннабел Кlover, в свои неполные двадцать, все еще мечтала о покорении крутых гор. Мечтала о неприступных вершинах, скрытых в облаках, мечтала об отвесных скалах, бесплодных и диких, мечтала о таинственных ущельях и опасных расщелинах.

Эта странная для обыкновенной девушки страсть к хребтам, перевалам и отрогам появилась у Энни (так и только так звала ее мать с самого рождения) в лет семь или раньше.

Отец, Фабрициус Кlover, местный шериф, тогда еще живой и здоровый, как-то преподнес обожаемой дочурке не бриллиант в семь каратов, и не изумруд, и даже не рубин, а обыкновенный камень, размером со свой могучий кулак,

фрагмент расколотого гранитного валуна.

Но малышку поразила весомость и тяжесть необычного подарка, а еще – вкрапления золотых прожилок и тусклый блеск породы, миллиард лет назад выброшенной на поверхность Земли в потоке раскаленной лавы, а потом отшлифованной великим оледенением.

Отец, которому до гибели от ножа пьяного фермера осталось всего ничего, успел рассказать Энни про вулканы, извергающие гибельный огонь и черный пепел, затмевающий солнце, и про столкновение континентальных плит, от которого произошли все горные массивы на Земле – и Азиатские Гималаи, и Европейские Альпы, и Американские Кордильеры.

Потом за окном завершала полицейская сирена, засверкала синяя мигалка, и шериф, интересовавшийся не только дактилоскопией и патологоанатомией, но еще и геологией, выехал на место бытового убийства, чтобы уже никогда не вернуться.

С тех пор гранитный осколок занял почетное место в комнате Энни, осиротевшей на лучшую половину.

Камень стоял на полке – и как обелиск в память о нежном и ласковом отце, и как напоминание о том, что где-то существуют каньоны, перевалы, водопады и ледники.

Энни росла – и с каждым годом желание побывать там, где звезды намного ближе и воздух разрежен и чист, крепло все больше и больше.

Стены были украшены постерами не с фотомоделями, не с кинозвездами и не поп-дивами, а исключительно с видами колоссальных нагромождений из камней, снега и темно-хвойной растительности.

А над кроватью, на самом заветном для Энни уголке спальни, висели два портрета.

На одном сияла родная улыбка и звезда шерифа.

На другом грустил изможденный человек в черных очках, прославленный альпинист. Его верная супруга и отважная спутница погибла на очередном восхождении, когда камнепад накрыл палатку. Муж уцелел чудом, не получив ни царапины. Другой после случившейся трагедии навсегда оставил бы горы. Этот поклялся, что во имя жены и назло судьбе покорит в одиночку самые опасные восьмитысячники мира.

Просыпаясь, Энни первым делом смотрела на фотографию отца.

Фабрициус Кловер остался в памяти людей как справедливый и мужественный полицейский.

И наверняка шериф, владеющий боксерскими навыками, в горах тоже не подкачал бы.

Потом Энни переводила взгляд на кумира, исполнившего клятву во имя жены. Знатоки и специалисты предрекали неминуемую гибель отчаянного смельчака. Но он взял все вершины, в одиночку, имея лишь кошки да ледоруб.

Гордую Джомолонгму.

Суровую Аннапурну.

Норовистую Канченджунгу.

Коварную Макалу.

Строптивую Лхоцзе.

Убийственно непредсказуемую Чогори.

Гений альпинизма покорял вершины, как покоряют женщин, – дерзко, стремительно и умело.

И к девятнадцати годам Аннабел Кловер убедила себя, что только высоко над уровнем моря непременно отыщет своего ненаглядного.

Эту мечту, в отличие от горных грез, приходилось тщательно скрывать.

Джоан Кловер, испытывавшая идиосинкразию к пустячным занятием вроде собирания марок, постеров, значков и банок из-под пива, к «горной болезни» дочери относилась снисходительно, так как Берлингтон находился на довольно приличном расстоянии от возвышенностей и пропастей.

В окрестностях от горизонта до горизонта мирно простирались кукурузные поля.

И эта унылая равнина, дающая обильные урожаи геномодифицированных початков, только укрепляла дерзкую мечту Аннабел: она безоговорочно верила, что когда-нибудь доберется до тех мест, где самое звонкое, самое лучшее, самое отзывчивое эхо, которому лишь и можно доверить имя суженого – единственного и неповторимого.

Но она даже не пыталась представить, что произошло бы, узнай о такой глупости грозная и неумолимая миссис Джоан

Кловер. Будущее дочери было расписано вплоть до ее совершеннолетия так же четко, как собственный ежедневник вдовы шерифа, которая из идеальной жены и образцовой домохозяйки вдруг решила превратиться в харизматичного политика и шла к цели, сменяя всех и все на своем пути.

Поэтому до поры до времени любовь, как и желание выбраться поближе к небу, оставались нереализованными.

Впрочем, Аннабел не отчаивалась.

Рано или поздно удастся вырваться из-под слишком плотной опеки матери, которая ради политической карьеры пожертвовала и своей личной жизнью, и личной жизнью единственной дочери.

А ведь никто и предположить не мог, что образцовая домохозяйка, забросив шитье, мытье, стирку и варку, безоглядно ринется в партийные дебри.

Кто-то рвется в политику, одержимый страстью к руководящим креслам.

Кто-то – из желания навести порядок в этом сумасшедшем мире.

Кому-то, не обладающему никакими прикладными талантами, хочется во что бы то ни стало засветиться на телевизионном экране – а политику, даже мелкотравчатому, щедро дают эфир и с удовольствием приглашают в юмористические ток-шоу, идущие в прайм-тайм.

И лишь некоторые субъекты попадают в политическую тусовку самым неожиданным образом.

К последней категории принадлежала Джоан Кlover.

Вдова полицейского, погибшего при исполнении служебного долга, поносив сколько полагается траур, вдруг ни с того ни с сего решила заняться политикой, всерьез и надолго.

Начало этому занятию положило предложение местной партийной организации демократов поучаствовать в теледебатах в качестве пострадавшей от покушения пьяного негодяя (как не поленились выяснить знатоки, – бывшего в непутовой юности республиканцем по убеждениям) на супруга, не принадлежавшего, кстати, ни к одной партии.

Джоан так красноречиво описала ужасную сцену убийства, страдания, которые довелось пережить ей и маленькой

дочери, одиночество в доме, где каждая деталь по сей день напоминает об отсутствии горячо любимого мужа, так трогательно расплакалась в прямом эфире, что передачу по многочисленным просьбам зрителей повторили еще дважды. Демократы заработали новые очки, ласково посоветовали безутешной вдове отвлечься новыми делами – например, применить редкий дар красноречия на очередной встрече с избирателями – а в качестве гонорара за теледебют преподнесли симпатичного резинового ослика – партийный символ.

Это событие произвело революцию – не только в судьбе и душе Джоан Кlover, но и в ее обители.

Если первому обстоятельству дочь была скорее рада – внимание матери наконец-то нашло себе более достойные объекты, чем суровая проверка домашних заданий и вымытых ног, – то второе стало понемногу раздражать.

Двухэтажный семикомнатный дом заполнили ослища, ослы и ослики – плюшевые, фарфоровые, пластиковые, надувные, шоколадные и даже вязанные из шерсти диких ишаков.

Аннабел иногда подумывала, что лучше бы мамочка отдала душу не демократам, а республиканцам, у которых символ посolidней и поприличней.

У слона имеется и внушительный вес, и грозные клыки, и гибкий хобот.

А вот у осла – ничего, кроме длинных ушей.

Впрочем, Энни вряд ли осмелилась бы даже намекнуть

новоявленной партийной функционерше о вопиющем различии между сакральными животными.

Джоан Кlover с ранней юности слыла властной и сильной женщиной. При шерифе она была отменной домохозяйкой, обеспечивавшей крепкий тыл. Обязательное горячее питание три раза в день и категорический запрет на фастфуды, от которых никакой пользы, кроме излишнего веса и потери реакции, особенно важной для полицейского в уличной перестрелке или кабацкой драке. А если муж задерживался по оперативным делам, то еще не остывшие блюда заботливая женушка доставляла в любую точку округа, где произошло нарушение уголовно-процессуального кодекса.

Но трагическая гибель Фабрициуса Кloverа образовала ничем не заменимую пустоту, грозившую психическим срывом.

Судорожные попытки утешить женскую душу не удались: память о бравом, основательном и всеми уважаемом супруге мгновенно и неизбежно выявляла губительное несходство новых претендентов на руку и сердце с раз навсегда установленным идеалом.

Вот потому-то Джоан Кlover, опровергая свою нежную и вялую фамилию, взялась за политическую карьеру с той же основательностью, с какой готовила свиные отбивные, говяжьи ростбифы с кровью и гарнир из припущенной кукурузы, одобренной кайенским перцем и обильно приправленный чесночным кетчупом.

Цели энергичной вдовы простирались куда шире, чем поддакивание местным лидерам на избирательских поединках. С самого начала она решила стать если не президентом Соединенных Штатов Америки, то, по крайней мере, сенатором или конгрессменом.

Знай, Фабрициус, повторяла она, посещая с дочуркой каждый месяц, в роковое 28-е число, могилу любимого мужа, знай, что фамилия Кlover будет сиять не только на твоём памятнике, но и на карте страны!

Джоан Кlover начала путь в Капитолий с непрезентабельной должности руководителя местных скаутов, в обязанности которых входила расклейка предвыборных плакатов и размахивание флажками при очередном визите в городок очередного претендента.

Через год исполнительную и дисциплинированную вдову перевели на более ответственный пост. На Джоан возложили очередную черную и неблагодарную работу: сбор пожертвований в партийную кассу.

Но ведь нынешний председатель демократической фракции в нижней палате тоже начинала с финансов, пусть и миллионерских.

Так как Джоан Кlover не обладала деньгами в достаточном количестве, то надеяться оставалось на природную сметку и сообразительность, а также долготерпение в ожидании, может быть, единственного шанса.

Приглядываясь к тем, кто совершал подъем по лестнице,

ведущей на федеральный Олимп, бывшая домохозяйка сделала два поучительных вывода.

Первый: чтобы высоко и необратимо взлететь, надо уметь кланчить баксы у всех, начиная с безработного, живущего на пособие, и заканчивая миллиардером-скуперджем.

Доллар к доллару.

Цент к центу.

Второй: для повышения эффективности сбора необходимых средств нужен кристально чистый асиссент, который не обманет в самый ответственный момент, не переметнется к этим республиканцам, будет не имитировать активную деятельность, а вкалывать от рассвета до заката и еще немного до полуночи и после. И за не слишком большую плату.

Джоан Кlover, не усомнившись ни на йоту, решила, что сделает из дочери, трудолюбивой Энни, незаменимого помощника.

С необычайным упорством – таким же, с каким демократическая вдова обставляла милый особнячок всевозможными ослищами, ослами и осликами, – взялась она за воспитание малолетней прожекторки, мечтательницы и любительницы сказок о пещерных троллях и гномах.

– Школьное образование – это фундамент, без которого не выстроишь ничего путного, – любила повторять несмысленным скаутам усердная воспитательница.

Аннабел в повторениях не нуждалась. Она всегда училась хорошо. Попробовала бы, впрочем, она учиться плохо!

Джоан Кlover не шутила с методами эффективного воспитания.

Однажды получив низкую отметку по арифметике, малютка Энни ощутила на себе всю прелесть материнского партийного фанатизма.

– Двое суток без еды очень хорошо прочищают желудок, мозг и кишки, – заявила строгая родительница.

Воспитательное голодание принесло результат.

С тех пор Аннабел Кlover постоянно находилась в тройке лучших учеников по всем предметам.

Образцовая дочь позволила себе один-единственный бунт.

Однажды, вернувшись из школы, Энни увидела вместо любимых постеров и фотографий пустые стены и поняла, что мать таким образом решила ликвидировать дурацкое увлечение никчемными горами.

Когда приехала с работы сама Джоан, вся лужайка перед домом была заставлена веселым стадом ослиц, ослов и осликов – плюшевых, резиновых, пластмассовых, стеклянных и шерстяных.

Увидев по решительному лицу двенадцатилетней Энни, что первое же слово вызовет более чем неадекватную реакцию, миссис Кlover сумела промолчать и вместо воспитательной тирады положила на стол сотню долларов.

В ответ дочь, так же молча, водворила ослов на привычные места обитания.

На следующий день комната Аннабел заполнилась свеженькими, еще более яркими изображениями заснеженных вершин, ущелий, горных рек и лугов.

Молчаливое перемирие определило границы материнской власти и пределы дочернего увлечения.

Саму Джоан Кlover из всех знаменитых возвышенностей интересовал только Капитолийский холм на берегу Потомака, и к этой цели упорная вдова, пусть медленно и с ужасающим скрипом, продвигалась по разветвленному руслу партийной иерархии неостановимо, как танк на окопы.

И хотя ее тревожила непроходящая тяга девочки к романтическим, но чересчур опасным пейзажам, но, утешала она себя, затянувшаяся «горная лихорадка» на порядок лучше грязного секса с прыщавыми юнцами, курения травки, баловства с таблетками, левацких идей и шовинистских бредней.

И куда лучше неожиданной беременности, которая может повредить не только имиджу заботливой матери, но и репутации партийного представителя, вроде скандала, случившегося у этих республиканцев из-за дочери миссис Сары П. Нет, со своей дочерью миссис Джоан К. такого не допустит. Пусть себе глядит на глянцевые вершины.

Тем более что эти вершины – где-то там, далеко-далеко, за кукурузными полями, растворяющимися в сизом горизонте, а подрастающая дочь – всегда на глазах и под тотальным родительским контролем.

Тем более что под этим прессингом Аннабел не превратилась в нервную, задерганную, пугливую девицу, а, наоборот, закалилась и возмужала. Окончив школу, не мешкая приступила к обязанностям неформальной помощницы, взяв на себя, по славному родительскому примеру, самую нудную часть: рассылку электронных писем с просьбами о пожертвовании.

Джоан Кlover не могла нарадоваться тому, что ее гениальный замысел принес такие плоды и послушная дочь полностью оправдала цели мудрой воспитательной тактики.

Но лишь только, получив скупую похвалу, дочь высказывала намерение отправиться в горы, как в ответ получала внушительную отповедь:

– Я не позволю, чтобы моя замечательная помощница сломила руку, ногу или шею. Не позволю, чтобы моя партийная карьера рухнула в пропасть вместе с глупой девчонкой. Я сделала тебя частью общего дела, мы отныне не принадлежим себе. Энни, мы в ответе за будущее великой страны!

И Аннабел, покосившись на вывешенный за окном звездно-полосатый флаг, вздыхала и смирялась. До поры до времени.

Но в каждом правиле, даже самом правильном, всегда отыщется исключение.

И в очередной день рождения Аннабел Кlover случилось невероятное событие.

3

Все любят подарки – подарки даже самые непрактичные, ненужные и пустяковые.

Важен сам факт: о тебе помнят, о тебе думают, для тебя стараются.

Джоан Кlover в дни рождения Энни не баловала взрослеющую дочь разнообразием: дарила сугубо утилитарные вещи.

Портативный компьютер – чтобы дочь овладевала навыками серфинга по Интернету.

Мобильник – чтобы дочь всегда находилась под контролем.

Самоучитель по составлению писем.

Металлический кейс, плоский, с кодовым замком и жесткой пластмассовой ручкой.

Сборник законов штата.

И прочее, прочее, прочее, без чего не может обойтись ни один помощник ни одного партийного функционера.

И конечно, речи быть не могло о станковом рюкзаке, облегченном ледорубе, страховочном шнуре или ботинках с шипами.

Подарки других приглашаемых на торжество тоже не имели никакого отношения к альпинизму, скалолазанию или горному туризму.

Друзья семьи, близкие и дальние родственники, коллеги покойного шерифа и избранные представители политического бомонда, как правило, не напрягали ни воображение, ни финансы, прибегая к традиционным приношениям.

Флакон духов – почему-то непременно французских, но произведенных в Китае.

Толстая книга в переплете с нудным романом давно почитавшего классика.

Диск с последним блокбастером из жизни мутантов.

Набор для вышивания гладью.

Последних у выросшей Энни набралось штук десять, но она так и не сделала, даже на пробу, ни одного стежка.

И в день своего двадцатилетия Аннабел не ждала ничего из ряда вон выходящего.

Образцовая и послушная дочь еще с вечера заранее готовилась к вымученной кислой улыбке и короткому чмоканью в щеку партийной матушки.

Утро радостного и торжественного дня не предвещало экстраординарных событий.

Если не считать того, что Аннабел проспала лишних целых три минуты – впервые с того дня, как пошла в школу.

Проснувшись чуть позже обычного именинница первым делом поздравила отца с круглой датой.

Под лучом солнца, прорвавшегося сквозь жалюзи, темно-зеленые глаза на траурной фотографии на мгновение ожили.

Тускло блеснула шестиконечная звезда на левой груди.

Аннабел тяжело вздохнула – у нее всегда перехватывало гортань при воспоминании о героической безвременной смерти обожаемого блюстителя порядка.

Будь шериф жив – непременно бы огорошил дочь потрясающим сюрпризом.

Затем, как всегда для поднятия настроения, Аннабел пару минут помедитировала, впившись взглядом в гения сольных восхождений.

Этот человек собственной судьбой каждое утро напоминал, что в жизни можно добиться всего.

Ну, а вместо разминки с упражнениями на растяжку мышц рук, ног и шеи девушка, вступившая в третий десяток, пару раз качнула боксерские перчатки, висевшие в изголовье.

Эта спортивная реликвия, доставшаяся от покойного отца, в самые трудные моменты и непростые ситуации выручала зеленоглазую крошку.

Аннабел привыкла изгонять злость, отчаяние и зависть коротким раундом в спарринге с кожаным болваном, набитым опилками. Натянув огромные, тяжелые и грубые бойцовские аксессуары, мисс Кlover выдавала серию неумелых хуков и апперкотов. Потом весь день ныли суставы пальцев и побаливали бицепсы, но зато настроение было если не чемпионское, то близкое к призовому.

Мама не возражала против кожаного болвана и перчаток.

Правда, вкладывала в занятие совсем другие мотивы.

— Терпеливо ловить момент, когда противник расслабится, и бить сразу, коротко и точно — закон победы, моя дорогая девочка! — вдохновляюще произносила она всякий раз, когда случалось застать дорогую девочку за боксерским экзерсисом.

Вот и этим утром, в день своего двадцатилетия, Аннабел Кlover захотелось первым делом не почистить зубы, не принять душ, не застелить постель, а нанести безликому манекену не меньше сотни ударов.

Потому что трудно описать гремучую смесь чувств, которые испытала Энни, не обнаружив даже намека на подарок.

Не было ничего перевязанного розовой ленточкой, ничего упакованного в серебристую бумагу.

Но Аннабел ограничилась тем, что отвесила подушке кулаком правый крюк.

Джоан Кlover, несмотря на свою партийную загруженность, не могла забыть о подарке, не могла! Этого бывало за всю историю.

А может, подарок слишком малого размера и уместился в миниатюрной коробочке?

Но тщательный обыск, с дотошностью, унаследованной от знаменитого шерифа, не дал результата.

Нет, ни среди косметических принадлежностей у зеркала, ни в ящиках стола, ни на полке рядом с куском гранита не оказалось ничего похожего на футляр, в котором скрываются

драгоценности.

Фантазии о бриллиантовых сережках, колечке с бирюзой или хотя бы изумрудной брошке развеялись, как утренний туман над кукурузными полями.

Аннабел вдруг припомнила вчерашний намек матери о каком-то счете, который отец открыл сразу после появления малышки Энни на свет.

А может быть, подарок, наоборот, элементарно не вмещается в комнату?

Сердце набрало запредельные бешеные темпы.

Жалюзи у окна, выходящего на улицу, с треском взлетели к потолку.

И снова разочарование.

Увы, у крыльца не сиял новеньким кузовом автомобиль полуспортивного класса, на котором можно было рвануть в даль, за тоскливый линейный горизонт, рвануть к горам, подпирающим небо.

Не было даже велосипеда для маунтбайка, с усиленной рамой, рифлеными шинами и сорока пятью скоростями.

Аннабел метнулась к окну, глядящему на внутреннюю лужайку.

Именинница обрадовалась бы и простой одноместной палатке – с тамбуром, навесом от дождя и карманами для одежды. Но ни маленькая, ни большая палатка не проглядывалась в траве, которую когда-то шериф заботливо прихорашивал любимой газонокосилкой.

Аннабел, возвращаясь обратно в постель, мимоходом отвесила безучастному кожаному манекену высокий пинок, но финт не удался, лишь тапок совершил продолжительный кульбит и замер подошвой вверх в дальнем углу.

Аннабел зарылась в одеяло, накрыла голову подушкой и предалась негромким причитаниям.

Как будто двадцать лет исполняется каждый день.

Сейчас казалось, что даже коробка пластмассовых цветных скрепок сошла бы за приличный подарок.

Все-таки это лучше, чем ничего.

Выплакавшись, Аннабел резко скинула подушку, сбросила на пол одеяло, живо соскочила с постели и, проскакав на одной ноге за тапком, срочно направилась в ванную, смывать непрошенные слезы.

Вдруг Джоан Кlover заявится и узреет неприличную печаль наказанной дочурки?

И праздник продолжится очередным разбирательством.

А то, что мать наказала двадцатилетнюю Энни, как неразумное дитя, стало совершенно очевидно.

Проводя привычный комплекс водных процедур, она пыталась понять, чем же могла разгневать грозного домашнего политика?

Норма по рассылке писем перевыполнена.

В доме наведена чистота.

– Ч-ч-черт!

Аннабел взглянула в туалетное зеркало и выдула из пен-

ной зубной пасты белесый мятный пузырь.

– Ч-ч-черт!

Лишь одно событие тянуло на столь суровое наказание: неудачный визит Огдена Хакена.

Правда, миновал целый месяц...

Припомнилось лицо матери, узнавшей о произошедшем: сощуренные глаза, складки у губ.

И холодное молчание, не сулившее ничего хорошего.

– Ч-ч-черт!

Аннабел запустила зубной щеткой в зеркало, и паста разлетелась по кафелю отчаянными брызгами.

Полный мрак: остаться на двадцатилетие без единого подарка.

Аннабел отрешенно присела на край ванны.

– Это похлеще любого фильма ужасов!

Аннабел всадила ногти в розоватый обмылок.

– Может быть, и торжество отменяется?

Аннабел метнула обмылок.

– И никто, никто, никто не придет?..

Аннабел попыталась всплакнуть, но все слезы остались в спальне на подушке.

– И никто, никто, никто не поздравит...

Если бы сейчас на крыльце возник Огден Хакен, то вряд ли ему удалось бы отделаться легким испугом...

Безответная любовь – наверное, самое обидное, что может быть на свете.

А для мужчины в особенности.

Хоть из штанов выпрыгивай, хоть звезды с неба доставай, хоть лезь в огонь и воду, хоть разорись на цветах и подарках, а все равно бесполезно.

И никто не может понять, почему вполне приличный с виду, исключительно порядочный внутри соискатель зачисляется в разряд отверженных.

Но неудача Огдена Хакена складывалась из целой массы независимых друг от друга причин.

Заезжий рохла был самый невзрачный, самый нерешительный из тех, кто пытался приударить за дочкой Джоан Кловер.

В школе Энни не везло на мальчиков, и виновата в этом была не отталкивающая внешность и не резкость характера, как случается порой.

Просто все ученики знали, что вдова шерифа, ударившаяся в политику, порвет глотку любому, кто посмеет испортить ее безукоризненную репутацию.

Шашни с дочерью одной из ведущих демократических функционеров – слишком рискованная авантюра, у которой мог быть лишь один логический конец: официальный брак и

предельно правильная, невыносимо однообразная семейная жизнь, без обильной выпивки, дешевых проституток, бейсбольного стадиона, ежевечерней партии в ковбойский покер и прочих приятных мужских развлечений.

Но выросшая Аннабел, несмотря на затворничество, тотальный контроль и рабский труд за компьютером, начала пользоваться успехом у большей части холостяцкого контингента и даже части женатых мужчин.

Как-то незаметно дочь погибшего шерифа превратилась из худенькой невзрачной малолетки в девушку какой-то нездешней, даже пугающей красоты.

Темно-зеленые глаза, которые местный поэт в своем блоге окрестил русалочьими.

Блестящие каштановые волосы – идеальные для рекламы любого престижного шампуня.

Стройные ноги – хоть сейчас на подиум.

Мужчины городка и его ближайших окрестностей дрогнули.

Но непреодолимым барьером, непроходимым заграждением стояла на пути потенциальных женихов непреклонная мать и образцовая вдова, придававшая главное значение правильному выбору мужа.

Слишком дорого заплатила она за собственный неудачный выбор, так рано став вдовой человека, посвятившего жизнь ежедневному риску.

Единственная дочь не повторит ее ошибку. Дочери долж-

на достаться золотая середина. Но где ее найти?

Мужа подобрать намного сложнее, чем мебель для гостиной или вечернее платье для светского раута, считала Джоан Кlover. Намного сложнее. Поэтому этот вопрос следует всесторонне и тщательно обдумать.

Все более и более встревоженная непрошеной красотой дочери, Джоан, как и во всех других делах, принялась выстраивать четкую схему, по которой следовало действовать.

Для начала она составила оценочный реестр потенциальных жеников, куда входили многие параметры, включая профессиональную деятельность, уровень интеллекта, социальный статус, образование, состояние здоровья и наличие счета в банке.

Хотя некоторые из этих пунктов никак не стыковались между собой.

Отсутствие диплома престижного колледжа никак не влияло на мужские достоинства.

Мужские достоинства, в свою очередь, никак не хотели совпадать с кредитной историей.

А занятие бизнесом не зависело напрямую от склонности к облысению и ожирению.

Но главным критерием отбора для партийной активистки оставалась приверженность ухажеров к демократическому ослу.

Поклонники республиканского слона отметались без раздумий и прикидок.

Прочая политическая мелочь игнорировалась полностью.

Материнские расчеты не были секретом для Аннабел. Наоборот, эта тема обсуждалась за каждым ужином.

Ограничиваясь короткими невнятными поддакиваниями, Аннабел мрачно терзала серебряным ножом жилистый бифштекс, ясно сознавая, что если не удастся, судьбе вопреки, хотя бы ненадолго выбраться в горы, то настырная матушка отыщет в конце концов жениха на свой вкус и лад.

Но пока, к радости девушки, никто из претендентов на Аннабел не смог набрать у привередливой вдовы необходимую сумму баллов.

Неожиданно на кукурузном горизонте объявился приезжий защитник экологической чистоты пищевых продуктов: двадцатипятилетний мистер Огден Хакен, рыжеволосый веснушчатый мужчина с прекрасной родословной – и мгновенно пал жертвой роскошных каштановых волос, зеленых глаз и стройных ног.

Начинающий партийный функционер прибыл в городок с миссией представителя экологического фонда, занимавшегося выяснением конкретного влияния геномодифицированных початков на рождаемость детей, беременность женщин и мужскую потенцию.

Эти темы мистер Хакен обсуждал так горячо, словно неприятности с беременностью грозили ему самому.

Впрочем, Огден Хакен вообще близко принимал к сердцу человеческие неприятности и готов был помогать любому

делу, которое считал добрым.

Весьма скоро к нему прилип титул «председатель Всемирной лиги милосердия».

Авторство приписывалось меткому красноречию миссис Кlover, после первой аудиенции, которой она удостоила юного чиновника.

Сам Хакен слышал о прозвище, но не возражал и не проявлял ни малейшей обиды.

Тем более что через несколько дней после аудиенции Джоан Кlover внезапно взяла молодого человека под неусыпную опеку и даже, на удивление местной общественности, ввела рыжеволосого функционера в свой дом, куда после гибели шерифа не допускался ни один мужчина.

Вскоре, однако, стало известно, что Джоан Кlover все рассчитала правильно. Оказывается, у заезжего умника, вознамерившегося понизить доходы фермеров неумеренной борьбой против геномодифицированной кукурузы, у городского хлыща, не знающего, как пахнет навоз и откуда берется молоко, у сноба, злоупотребляющего пугающими научными терминами, у наивного резонера отец был кандидатом то ли в Сенат, то ли в Конгресс – разумеется, от демократов.

Партийный блондин полностью оправдывал доверие вдовы.

И хотя по всем признакам угадывалось, что Огден Хакен был прикован сильнее к темно-зеленым русалочьим глазам, чем к сонму стеклянных осликов, но он не проявлял чувства

слишком очевидно, не засиживался, не пытался остаться с хозяйской дочерью наедине.

Аннабел поначалу встретила появление нового лица на своей территории довольно благожелательно.

Угостила гостя чаем и тостами.

Немного посидели за компьютером, составляя проект речи для выступления миссис Кlover на конференции под руководством мистера Хакена.

На удивление гостя по поводу изобилия горной тематики в девичьей комнате Энни проговорила о мечте непременно отправиться на покорение заоблачных вершин.

А Огден Хакен был покорен тут же. Без малейшего сопротивления.

И без всякого намерения со стороны Аннабел.

Джоан Кlover все прочитала по первому взгляду мистера Хакена, брошенному на дочь. Добрые глаза хлопали рыжими ресницами так красноречиво, что ничего лучшего не оставалось желать.

Браки заключаются на небесах, но готовятся на земле.

Совсем иначе отнеслась потенциальная невеста к порядочному джентльмену с благопристойными повадками.

Огден Хакен с первого же дня раздражал Аннабел вызывающей правильностью, костюмом с иголки, выглаженным носовым платком в нагрудном кармане, со вкусом подобранным галстуком и даже полуботинками из буйволовой кожи на толстой подошве и высоком каблуке.

Костюм наверняка присоветовал не кто иной, как сам папочка Хакен, безукоризненно выглядевший и на обложке глянцевого таблоида, и на эране телевизора.

Над платком явно потрудились фамильная прислуга, вывезенная еще из Англии времен короля Эдуарда.

Насчет галстука мог дать консультацию партийный имиджмейкер, которому приписывали несколько подвигов на ниве создания харизматических образов.

К тому же Огден Хакен брился дважды в день, использовал лучший дезодорант от пота и не страдал перхотью.

В общем, за этого болванчика, совокупного творения моды и традиции, могла выйти только девушка, рвущаяся или в большую политику, или в высший свет.

Аннабел Кlover не желала себе ни того, ни другого.

На примере собственной мамочки она давно и наглядно убедилась, что политика весьма дурно влияет на женский характер, уродует женскую внешность и калечит не только судьбу соискательницы, но и ее ребенка.

Ну, а высший свет казался Аннабел еще страшней политики.

Там деньги, огромные деньги заменяли собой все нормальные человеческие отношения, включая, разумеется, и дружбу, и любовь.

Единственное, что нравилось Аннабел в Огдене Хакене, так это голос: спокойный, уверенный, стабильный, с убаюкивающей интонацией, вызывающей доверие.

Особенно хорошо звучал этот голос по телефону: баритон, не ведающий ни стрессовых нажимов, ни обертонов психической неуравновешенности.

И Аннабел, сама не замечая этого, пристрастилась называть Огдену Хакену каждую свободную минуту, называть без видимых причин.

И когда в один не самый лучший день мистер Огден Хакен появился в самый неподходящий час и озвучил предложение своей вялой руки, сердца, не ведающего перебоев, и громадного папиного состояния, то возник дипломатический конфликт.

Аннабел понимала, что категорический отказ сыну партийного бонзы не только безмерно огорчит Джоан Кlover, но и повлечет непредсказуемые последствия, – и поэтому, потупившись, оставила джентльмену из джентльменов чуточку иллюзии, капелюшечку надежды и микроскопическую перспективу.

– Я не готова к ответу, – заявила она. – Это слишком неожиданно. Дайте мне месяц на размышление.

За месяц жених-неудачник свыкнется с отказом, уверяла себя Аннабел. А я успею придумать какой-нибудь удачный ход, для еще одного объяснения – с мамой.

Огдену ничего не оставалось, как согласиться.

Кто-то учится на своих ошибках.

Кто-то – более умный – пытается анализировать чужие промахи.

Аннабел Кlover не считала себя чересчур умной, но и достаточно глупой – тоже.

Это не совсем приятное возвращение в недавнее прошлое усугубило и так отвратное настроение именинницы.

Кажется, мама угадала мои намерения, сокрушенно констатировала Аннабел. Не будет никаких объяснений – и никаких подарков.

Ну что ж, переживем и это.

– Ну почему Огден Хакен не имеет никакого отношения к горам? – спросила виновница несостоявшегося торжества свое мутноватое изображение. – Совсем никакого.

Тщательно вытерла зеркало от разбрызганной зубной пасты, чтобы не оставлять следов досады.

Быстро смыла не очень обильные слезы и промокнула лицо махровым полотенцем.

Освежила кожу тоником.

Нанесла самый легкий крем, хотя нежная кожа не особенно в нем не нуждалась. Но Энни любила ощущение бархатистой гладкости и мягкости, свойственной именно этому крему, и баловала им себя по особенно торжественным дням.

Провела кисточкой по ресницам – черная тушь мягко и изящно удлинила и подчеркнула необычный контур глаз.

Легкими штрихами нанесла на веки тени: посветлеееверху, потемнее книзу.

Тронула губы помадой.

Подщипнула край левой брови, превратив ее в аккуратную стрельчатую дугу.

И принялась старательно расчесывать волнистую густую лавину роскошных волос.

Это ежедневное занятие всегда придавало Аннабел особую душевную гармонию и внутреннее равновесие, похожее на предощущение счастья.

Вскоре зеркало подтвердило, что зеленоглазая русалка может смело встречать любого визитера.

– А вдруг сейчас вновь в неурочное время заявится Огден Хакен? – спросила Аннабел заметно похорошевшее отражение. – Уж он-то мог бы обо мне вспомнить в такой день. И явиться не с пустыми руками и не с цветочком, а с золотым кольцом, с бриллиантом на двадцать каратов.

Кто знает, может, такое появление вызовет совсем иные чувства и даже...

Беззвучную беседу с зеркалом прервал материнский голос, неожиданно прозвучавший за дверью ванной комнаты:

– Энни, дорогая, ты где?

Появление Джоан Кlover в это время было не менее сенсационным, чем отсутствие подарка.

Вдова, усвоившая партийную дисциплину, никогда не позволяла себе пропускать ни одного заседания комитета по связям с общественностью.

И вот устоявшийся график – побоку.

К тому же материнский голос был преисполнен какой-то необычной ласки, щедро сдобренной нежностью, как яблочный пирог – сахарной пудрой.

– Энни, милая, скоро ли ты закончишь водные процедуры?

– Пара минут! – ответила дочь сквозь дверь – Пара минут!

– Поторопись, дорогая, у меня для тебя сюрприз.

Аннабел начала догадываться, что приторный, не свойственный матери тон предвещает какой-то грандиозный подарок.

– Сейчас, ма, сейчас!

Выход похорошевшей дочери Джоан Кlover встретила громким:

– «С днем рожде-е-енья те-бя-я!»

Аннабел замерла посредине гостиной и надула щеки, как будто приготовилась гасить двадцать свечей на праздничном торте.

Мать угадала смысл движения:

– Дорогая, к вечеру доставят огромный торт, исполненный по эксклюзивному рецепту.

– С марципанами?

– Увидишь, дорогая, увидишь!

Джоан Кlover протянула дочери большой пухлый конверт.

– А пока – держи подарок.

С грустной улыбкой добавила:

– От меня и папы.

Аннабел, не раскрывая, прижала конверт к груди.

Вот оно! Наконец!

– Смелей, дорогая, смелей!

Аннабел осторожно заглянула внутрь.

– Кредитная карточка?

– Да, за двадцать лет набежало немало процентов.

Джоан Кlover снова улыбнулась – по-прежнему грустно.

– Настала пора истратить эти деньги.

– На что?

– Смотри дальше, милая, дальше.

– Вау, авиабилет!

– Да, в бизнес-класс.

– И когда рейс?

– Завтра, дорогая, завтра!

– А куда?

– Ну, там же еще имеется кое-что, кроме билета.

– Точно!..

Аннабел извлекла из конверта объемистый буклет, на глянцевого обложке которого был изображен красавец-мужчина на фоне прекраснейших скальных вершин и синего-пресинего неба.

– Не может быть!.. – у девушки перехватило дыхание.

– Дорогая, это двухнедельная поездка в горы парка Йосемити.

Улыбка Джоан Кlover посветлела.

– Тур от фирмы «Роза ветров».

– Фантастика, – осторожно прошептала Аннабел, боясь, как бы сказочная реальность не обернулась всего лишь пригрезившейся иллюзией. – Фантастика...

– Ну как, Энни, я тебе угодила?

– Вау!

– У тебя всего день на сборы. Впрочем, кажется, фирма не требует особой подготовки. Все включено в тур. Он какой-то особенный... Впрочем, ты ведь знаешь, я не разбираюсь в этих штуках.

– Я не верю!

Дочь осыпала мать градом искренних поцелуев.

– Не верю!

– Энни, ты заслужила эту награду.

– Как я счастлива!

– Ты столько сделала для пополнения партийной кассы...

– А как же ты, ма?

Аннабел удержала неумный восторг.

– Целых две недели без помощника?

– Дорогая, об этом как раз не стоит беспокоиться.

Джоан Кlover достала платочек, чтобы стереть с щек помаду, оставленную не в меру расчувствовавшейся дочерью.

– Мистер Огден Хакен любезно согласился временно исполнять твои обязанности.

Аннабел поняла, что сегодня не только день рождения, а еще и день самых невероятных сюрпризов.

– Вау! – только и смогла произнести потрясенная дочь.

Джоан Кlover избавилась от следов помады.

– А мне надо срочно выполнить одно важное партийное поручение.

Иногда жизнь задает весьма непростые задачи, а решать их надо без промедления.

Вот и Аннабел Кlover, после окончания праздничного дня, вместо того, чтобы лечь спать, устроилась поперек любимого мягчайшего велюрового кресла с глянцевым туристическим буклетом в руках, раздумывая о произошедших событиях и пытаясь решить уравнение с тремя неизвестными.

Благодаря чему казавшаяся несбыточной мечтой поездка в горы стала реальностью?..

Тут инструктор в фирменном облачении, призывно улыбавшийся с обложки, переключил внимание на себя.

Аннабел придиричиво сравнивала взглядом белозубого загорелого, сияющего здоровой молодой свежестью красавца и мрачно-упертого горновосходителя на постере.

Вдоволь наглядевшись на обложку, аккуратно отрезала ее и поместила нового героя между портретом шерифа и гением альпинизма.

При взгляде на отца мысли вернулись в прежнее русло.

Сегодняшняя вечеринка продолжила серию загадок и сюрпризов.

Известие о предстоящей поездке в горы не вызвало ни малейшего ажиотажа.

Гостей куда больше привлекло внезапное изменение имиджа матери именинницы. Новое платье, тонкий грим и разнообразно осветленные волосы явили присутствующим новую женщину – не убитую горем вдову шерифа, не ярую функционершу – а великолепную даму, торжествующую, блестящую. Ее дочь, в черных джинсах и коричневой майке, была почти незаметна на общем фоне веселья, которым Джоан управляла с такой же энергией, как партийными делами.

С какой стати матушка решила сменить имидж тоскующей вдовы на бренд женщины, пышущей желанием?

А самое странное – почему Огден Хакен не пришел на торжество?

Взглянула на часы. Почти полночь.

Нет, по крайней мере, на один из поставленных вопросов надо получить ответ.

Аннабел отправила смс-сообщение Хакену в надежде, что тот еще не успел заснуть.

Шериф смотрел на происходящее строго, но понимающе.

Восходитель-одиночка иронично улыбался, пряча взгляд за черными очками, – после одиночного покорения самых неприступных восьмитысячников героя не смогла бы удивить и попытка связи в четыре утра.

А инструктор-красавчик призывно смотрел в упор.

– Да, спит Огден, – произнесла Аннабел немного разачарованно. – Спит.

Прошла в душ, вернулась в нарядной ночной рубашке, принялась уютно устраиваться в постели.

Протянула руку к ночному столику – выключить мобильник.

В ответ раздалась сегодняшняя мелодия «С днем рождения тебя!»

Вздрогнула, ткнула кнопку вызова.

– Добрый вечер, Энни!

Как всегда, бодрый тон идеального молодого человека подействовал завораживающее.

– Как прошел праздник?

– Прекрасно.

– Я рад. Поздравляю вас. Вы что-то хотели узнать?

– Извините, Огден, что потревожила вас так поздно...

– О, Энни, я как раз досматривал фильм.

– Интересный?

– Не очень.

– Тогда будем считать, что я на этот раз поступила правильно.

– Еще как правильно.

– А вы – нет.

– В чем дело?

– Огден, я на вас очень и очень сердита.

– Догадываюсь.

– Почему вы не пришли?

– Заболел.

– Серьезно?

– Слегка.

– Но я прощаю вас и благодарю.

– За что?

– Вы ведь согласились заменить меня на время моего отсутствия.

– Ах да.

В голосе Огдена послышалась неуверенность.

– Совсем запамятовал.

Аннабел посчитала за лучшее немного помолчать.

– Энни!

– Да, я слушаю.

– Как вам материнский подарок?

– Какая же я дура!..

– В каком смысле?

– В прямом!

Аннабел отвесила свободной рукой резкий хук зазевавшейся подушке.

– Как же я не догадалась сразу!

– О чем?

– Это же вы натолкнули матушку на идею отослать меня в горы! Без вас она вряд ли сподобилась бы на такой щедрый подарок, нарушающий все установки!

– Не совсем так.

– Огден, и не вздумайте отпираться.

– Понимаете, Энни, я сыграл в этом определенную роль,

но...

– Не скромничайте.

Подушка снова схлопотала увесистую оплеуху.

– Пожалуйста, не скромничайте.

Собеседник в ответ лишь тяжело вздохнул.

Аннабел снова поняла, что необходимо взять паузу.

Наконец Огден вернулся в диалог:

– Ладно, Энни, возьму грех на душу.

– Вы меня пугаете?

– Ни в коем случае. Просто...

– Ну договаривайте, договаривайте!

– Просто я знаю причину, по которой вас отправляют в горы.

Хакен опять мучительно замолчал. Аннабел взъярилась:

– Мамачка мечтает, чтобы я упала в пропасть и сломала шею?

– Нет, конечно, нет!

– Тогда выкладывайте всю правду, и поскорей.

– Просто Джоан Кlover...

– Ну!

– Джоан Кlover, мне кажется...

– Что кажется, что?

– Джоан Кlover влюбилась.

– Не смешите.

– Просто влюбилась.

– Огден, вы не шутите?

– Мне не до шуток.

– Этого не может быть.

– Да, Энни, да.

– Вы хотите сказать, что...

Аннабел не смогла закончить фразу.

– Джоан Кlover влюбилась – и, боюсь, что... в меня.

Чтобы не терзать дальше несчастного молодого человека,

Аннабел отрубила связь.

Одна фраза открыла все неизвестные в уравнении.

Огден тоскует по Аннабел.

Аннабел надеется найти суженого в горах.

Ну, а Джоан Кlover возжелала Огдена.

И сменила скромный классический твидовый костюм на фривольное платье с широким вырезом.

И сделала модную прическу.

И прибегла к услугам визажиста и маникюрши.

Аннабел вдруг припомнился контраст радостной улыбки матери и ее внезапно потемневших глаз, когда Аннабел объявила: «Ну вот, все в сборе, можно начинать!» и выхватила у нее из рук стаю разноцветных воздушных шариков, чтобы запустить их в темнеющее небо. В веселом галдеже и суматохе некогда было задуматься об этой случайности. Теперь все стало ясно.

Вся комбинация была затеяна, чтобы оставить скромного молодого человека без предмета обожания.

Добрый Огден Хакен, милый Огден Хакен пожертвовал

собой ради того, чтобы сбылась заветная мечта зеленоглазой девочки.

Придется ему на себе испытать жесткость руководящей длани неукротимой миссис Кlover.

Правда, ему больше ничего и не остается...

Аннабел еще раз пролистала буклет, лишенный обложки.

Страницы не скупилась на заголовки:

«Навыки горного туризма».

«Приемы скалолазания».

«Как правильно разбить бивак».

«Техника разжигания костра».

Программа тура предлагала самые разнообразные походные и прогулочные варианты. Аннабел со вкусом проставила галочки напротив пунктов, включающих в себя обучение основам скалолазания, недолгое и нетрудное горное восхождение и экскурсии по интересам. Наблюдения за лесной жизнью со смотровых площадок! Походы к горным озерам! Спуск в пещеру! Ботанические и минералогические экскурсии! Осмотр места съемки знаменитого блокбастера! И еще, и еще, и еще – гибкая программа учитывала, казалось, все возможные туристические заморочки.

С собой не требовалось брать ничего, кроме минимально необходимого. Фирма гарантировала прокат обмундирования и качественное питание. Что еще нужно для полного и безоговорочного счастья?

Утомившись от наслаждений, Аннабел сунула буклет в

сумку, где томился билет на завтрашний авиационный рейс.

Может быть, только опытный инструктор?

Аннабел погасила хрустальное бра.

Шериф в темноте встал на стражу порядка.

Гений альпинизма отправился тренировать ночное восхождение.

А красавчик-инструктор из фирмы «Роза ветров» светил в темноте белозубой улыбкой, обещая самую теплую встречу, самое дружеское покровительство.

Аннабел нежно обняла подушку, настрадавшуюся от ударов с левой.

Глупо осуждать матушку за внезапный любовный порыв.

Аннабел поуютнее укуталась в одеяло.

А тем более – жалеть Огдена Хакена.

Аннабел устроилась на правый бок.

Может быть, им будет хорошо сидеть рядом перед монитором, близко общаясь под стук клавиш и кликанье «мышки»?

Пудобнее прижала ладонь к щеке.

Поскорей бы сбежать в горы, как можно скорей!

Еще только светало, а Аннабел Кlover вышла на крыльцо с туго набитым рюкзаком.

Будущая покорительница вершин и сердец не стала будить мамочку.

Может быть, именно сейчас ей снится самый сладкий сон, с участием доброго молодого человека.

Аннабел Кlover десятки раз бывала в аэропорту, то провожая Джоан на очередной политический шабаш, то встречая.

Но предполетная строгая процедура досмотра, как и восхождение на борт, уж не говоря о самом полете, оказалась в новинку.

Когда самолет набрал высоту и повел равномерное, плавное, монотонное движение на Сан-Франциско, Аннабел уткнулась в иллюминатор.

Она не хотела пропустить самый захватывающий, самый волшебный, самый желанный момент – появление там, внизу, под крылом, гористой местности, с вершинами, пропастями, отрогами, скалами, темнохвойными куртинами.

Но сплошная облачность напрочь испортила первое свидание.

Все, что Аннабел то и дело принимала за хребты и кручи, оказывалось лишь нагромождением туч, посылавших на

землю обильные ливни и шумные грозы, с громом и молниями.

Самолет, невзирая на погодные катаклизмы, совершил посадку точно по расписанию.

Аннабел, слегка ошалевшая после первого в жизни перелета, не сразу заметила в толпе встречающих высокого темнокожего парня, державшего над собой плакатик с эмблемой фирмы «Роза ветров».

Но менеджер знал свое дело, наточенным глазом вычислил неопытную путешественницу и бодро присоединил ее к группе собратьев по приключениям, представив им знакомиться за столиками кафе в ожидании других рейсов.

Строгая дама в очках, сходная в своем черном походном облачении с морским пехотинцем, протянула руку Аннабел: – Кэтрин Ли, преподаватель географии. Я приехала первая и долго опасалась, что останусь в единственном числе. – И кивнула на огромное окно.

Хотя все фотографии в буклете представляли яркие солнечные картины, в реальности все оказалось иначе.

Дождь шел не переставая, и туман затянул всю округу.

Но настроение Аннабел оставалось по-прежнему солнечным.

Горячий кофе скрасил наружную сырость, вернул голове свежесть и ясность.

А заварные пирожные, облитые взбитыми сливками, да свежая клубника отлично помогали поджидать давно ожида-

емое randеву с мечтой, пока в кафе являлись новые и новые любители приключений.

С бурным тарактеньем прибыла к месту встречи троица женщин преклонного возраста, в разношенных походных ботинках и выдавших виды альпинистских пуховиках.

Одетая в бело-синий комплект, объявилась элегантная леди. Улыбнулась тонкими губами, подала ближайшей соседке, учительнице географии, тонкую руку с золотым браслетом. Отвесила обществу изящный поклон, устроилась на кончике стула.

Шумно ввалившийся толстяк в клетчатой куртке сорвал шерстяную шапочку, явив остатки шевелюры на лысеющей голове, приветственно помахал ею перед дамами и был встречен восторженными возгласами как долгожданный представитель мужского пола.

Наконец утомленный трансферными обязанностями менеджер предъявил последнюю клиентку – могучую особу в ярко-оранжевой куртке и зеленых спортивных брюках, заявившую с порога: «Всем привет! Я – Фанни!» – и с бодрым кликом повел группу усаживаться в фирменный микроавтобус.

Таким образом, в составе авантюрной команды оказалось семь женщин разного возраста и один мужчина, весом поболее центнера, который отрекомендовался как Рональд Вебб, технолог пивного завода из Феникса.

Такого не то что к горам – к любой мало-мальски прилич-

ной возвышенности подпускать было бы рискованно.

Впрочем, дамы тактично не заметили, что тяжеловес полностью оккупировал заднее сиденье.

Женщины плотно расселись впереди.

Аннабел оказалась самой юной, самой красивой и самой тихой.

Не слушая шумного гомона соседок, девушка напряженно вглядывалась в мелькавшие по пути мутные очертания домов, лесов, автостанций, то и дело протирая запотевшее стекло ладошкой.

Гомон не унимался.

Долгая дорога по мокрому и крутому серпантину располагает к дружескому общению.

И тут, как обычно, сработал ход фирмы, в каждой рекламной кампании навязывавшей потенциальным клиентам текст и мелодию незамысловатой песенки.

Три пенсионерки из Алабамы, уже не впервые раз совершавшие совместный горный поход, – седая жизнерадостная Дженни Клерфон, субтильная Сью Роббинс и тощая красно-волосая морщинистая Матью Стивенсон – вдруг громко и немелодично затянули:

– «В горах моей сердце!.. Доныне я там!...»

К бодрому хору присоединилась статная офисная миссис Мэри Витренс из Детройта, высокая, с горделивой осанкой, в кои-то веки оторвавшаяся от ксерокопирования и подшивания бумаг:

– «По следу оленя лечу по скалам...»

Учительница географии Кэтрин Ли из захудалого городка Картис в штате Небраска, наконец-то решившаяся на практике испытать, что же такое горная болезнь, куриная слепота, камнепад и сход лавины (чтобы ученики перестали подкалывать и начали уважать), подтягивала, немного фальшивя:

– «Гоню я оленя, пугаю козу...»

Фермерша из Оклахомы, шумная Фанни Финчлей, выигравшая тур от фирмы «Роза ветров» в розыгрыше призов за лучшие экземпляры йоркширских свиней, не жалела мощных голосовых связок и зычно выводила:

– «В горах мое сердце, а сам я внизу...»

С заднего сиденья дамский хор энергично поддерживал мужской баритон.

Лишь одна из путешественниц так и не спела гимн, который по неписаной традиции полагалось исполнять всем будущим участникам горной экспедиции от фирмы «Роза ветров».

Она не знала, что это считалось хорошей приметой, чтобы горные духи были предупреждены и умиловлены.

Она вообще ничего не думала о том, что ее ждет.

Она ждала только горы.

Но вот автобус подъехал к кемпингу, приютившемуся у подножия мощного хребта.

И тут, словно благодарность за старательно исполненный

гимн, словно добрая примета, словно невысказанное обещание милости и покровительства, внезапно и стремительно, как всегда случается в горных условиях, тучи разошлись и солнце по-хозяйски щедро и широко представило глазам изумленных туристов превосходнейший пейзаж кисти матушки-природы, трудившейся над ним не жалея красок, много-много веков подряд.

Знаменитая Йосемитская долина красовалась в обрамлении тех самых крутых, острых, заснеженных пиков, которые столько лет оставались лишь заманчивыми, несбыточными грезами.

А теперь до них было – рукой подать.

Вернее – ногой дойти.

– В горах мое сердце, – прошептала Аннабел. – В горах... мое сердце...

Столь же великолепным, как дневной, был и вечерний горный пейзаж, но полюбоваться им, в свете закатного солнца, Аннабел довелось не сразу. Оставшаяся часть дня прошла в суматохе устройства, знакомства с группой и инструктором.

Именно инструктор больше всего разочаровал энтузиастку горного восхождения. И, как выяснилось, не ее одну.

После того, как менеджер сдал прибывших на милость кемпинговой obsługi и, весело помахав ручкой, удалился, пообещав, что, вот-вот явится тот, кто будет заботиться о них, как родная мама, сердце Аннабел сильно забилося.

Наконец-то она увидит вживую того красавца, который улыбался с обложки рекламного буклета!

Но худощавый, если не сказать, тощий, невысокий, темнолицый, темноволосый, темноглазый тип в сером свитере, черных джинсах и тяжелых горных ботинках ничем не походил ни героя девичьих грез.

Вдобавок всю левую сторону лица пересекал длинный рубец.

Может быть, именно он мешал этому типу по-человечески улыбнуться?

Или инструктор понимал свои должностные обязанности слишком уж серьезно?

Как бы то ни было, явление «родной мамы» произошло именно в образе этого типа, который, казалось, без особого энтузиазма приветствовал доверившуюся ему публику, приехавшую из самых разных, в том числе весьма далеких краев, заплатившую, между прочим, немалые деньги за нелегкое удовольствие, которое кое-кто при том совершал впервые и особо нуждался в добром чутком присмотре.

Подобные мысли одолевали Аннабел в то время, как кое-кто не поленился выразить их вслух.

Самой бесцеремонной оказалась миссис Финчлей.

Едва лишь этот тип переступил порог бара, где туристы собрались на инструктаж, коротко кивнул и произнес:

– Привет всем. Я ваш инструктор...

– О! – громко воскликнула Фанни. – Вот так номер! Какой оригинальный молодой человек! – кокетливо хохотнув, продолжила: – А фирма пообещала вот этого красавчика! Где он? Давайте его, да поскорее!

Инструктор мрачно покосился на помятый глянец:

– К сожалению, реклама фирмы оказалась чересчур эффективной...

Громко вмешался мистер Вебб, который к этому времени уже успел в пух и прах раскритиковать около трех литровых кружек пива.

– А реклама и должна давать отдачу! – заявил толстяк. – Мы, несмотря на то, что реклама пива ограничена законом, тратим на видеоролики до трети доходов!

И гордо покосился на почтительно внимавших соседей-пенсионеров.

Дженни, Сью и Матти изумленно заахали.

– Да перестаньте вы со своим пивом, – презрительно произнесла одиноко сидевшая за угловым столиком офисная дива леди Витренс. – Тошнит уже.

– Так! Я не поняла – мы о рекламе или о чем? – деловито спросила красноволосая Матти Стивенсон и грозно покосилась на диву.

– Да, о чем? О чем? – поддержали вопрос энергичные подружки, обращаясь не столько к инструктору, сколько к технолог.

– Не о рекламе, а о судьбе молодого человека с обложки фирменного буклета, – педантично уточнила учительница, притвыкшая к ясности формулировок. – Не так ли, Фанни?

Сидевшая рядом с ней фермерша захохотала:

– Верно, Кэт!..

– Кэтрин Ли, с вашего позволения. Я же говорила...

– Верно, Кэтти! Уж очень меня заинтересовало, куда дели этого малого... Я-то к нему в гости приехала, а тут – нате вам!..

И свободная от городских условностей фермерша звучно и смачно чмокнула лицо, призывно улыбавшееся с глянцевой обложки.

Аннабел не выдержала:

– Давайте не будем мешать мистеру...

Аннабел взяла паузу, достаточную, чтобы хмурый инструктор смог представиться.

– Гарри Стоун! – неторопливо произнес инструктор. – Можно Ри.

– Самая подходящая фамилия для этих мест, – авторитетно заметил толстяк, обращаясь к соседкам. – Но не для марки пива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.